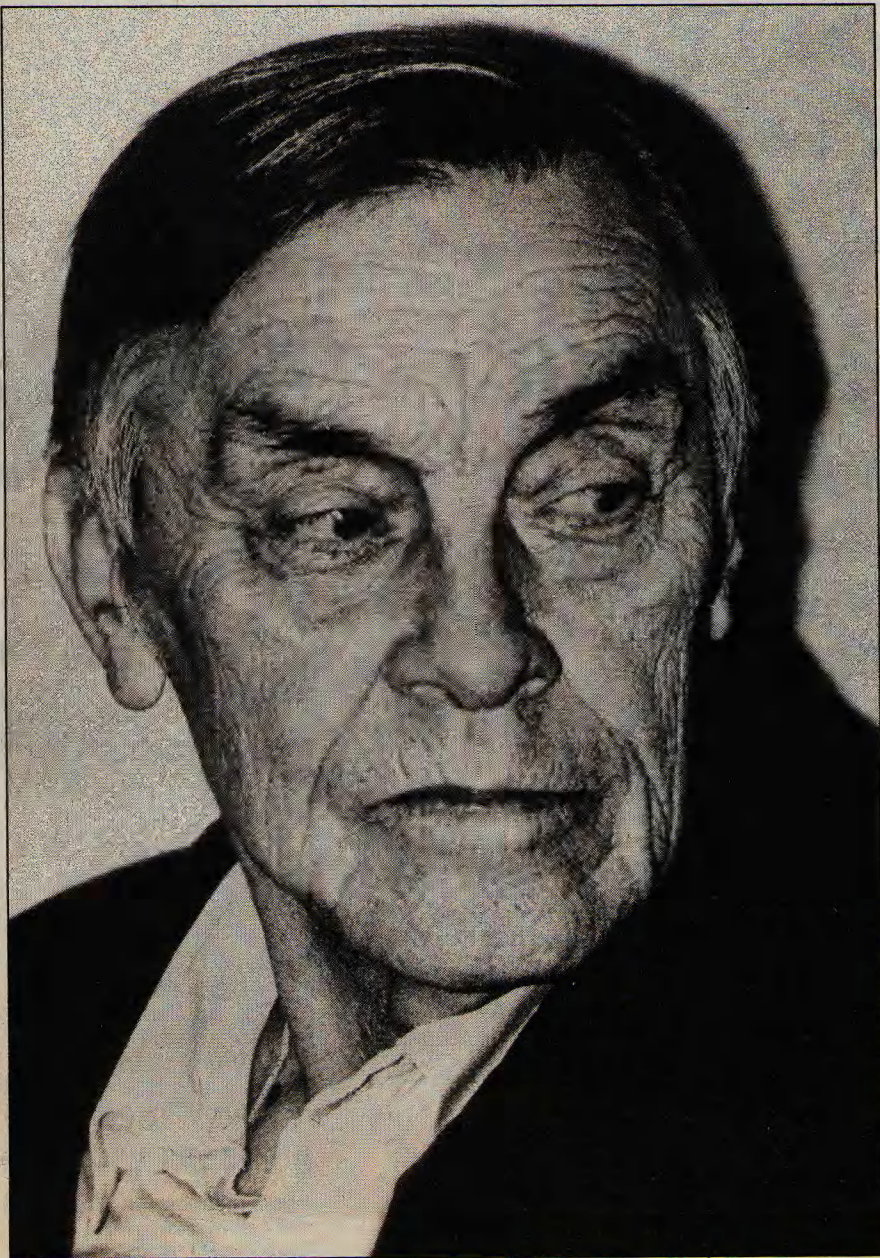

ССТВА

■ С О В Р Е М Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

всем. «Оттепель» в стране. Разговоры о тех, кто уже вернулся, кто вот-вот вернется, слово «реабилитация» не сходило с уст. Настроение у всех приподнятое. Даже Арсений, настроенный всегда скептически, на наши мажорные надежды бормотал: «Дай-то Бог, дай-то Бог!». В литературных делах его ничего не изменилось — все те же переводы. И множество стихов, читаемых нам, прекрасных. Только через шесть лет они выйдут в небольшой книжке — «Перед снегом». В аннотации сказано: «Арсений Тарковский, широко известный переводчик, предстает в книге как оригинальный поэт». Вот так-то, «оригинальный» и не более. Тираж — 6 тысяч экземпляров! В 1990 году, посмертно, Тарковскому будет присуждена Государственная премия... За всю нашу долгую дружбу никогда мы не слышали от Тарковского жалобы, что вот «не издают», «не печатают!» Страдал ли он от этого? Думаю, что да. Гордость не позволяла показать, чувство собственного достоинства. Радовался ли, когда держал в руках только что изданную книжку собрата по перу, талантливого и достойного? Очень! Чувством зависти не был замутнен.

При всей его любви к Толе не помню, чтобы он позвонил и похвалил напечатанный очерк Аграновского. Он не читал публицистики, газет. От силы мог сказать: «Таня прочла, Толочка, твой материал в газете. Говорит, что хороший. Поздравляю!» Один только раз было исключение, подтвердившее правило. Из записной книжки мужа 1973 года: «...Очень меня растрогал звонок Арсюши. Говорит, что прочел мой «Вишневый сад» и плакал. Растрогал и расстроил. Оказывается, у Брехта (он оговорил, что поэта этого не любит) есть замечательное стихотворение: «Мальчишка, воровавший вишни». Я нашел это стихотворение. Вот был бы эпиграф к очерку!»

В то лето 56-го года у мужа была задумана серия очерков о молодых ученых, талантливых, незаменимых... Его давно мучила эта чудовищная формула: «У нас в стране незаменимых нет». Впоследствии выйдет книжка очерков «Незаменимые», а

- Кто этот Черепашук? — спросил я.
- Любитель.
- Как же он открыл свою комету?
- Повезло...

Насладившись своим торжеством, мой друг выложил на стол пачку писем. Это были письма того самого Черепашука, который открыл комету.

...Два поэтических вечера Арсения Тарковского. Один — в Политехническом, другой — в ЦДЛ. В Политехническом стихи читает Арсений и Михаил Козаков. Едем вместе с Тарковскими, по дороге Арсений волнуется: «Неприменно провалюсь! И народ не соберется... И как читать после Миши, он же мастер, актер!.. Зачем я согласился?!» Зал полон, сидят на ступеньках в проходе. Слушатели, в основном, молодые. Успех, аплодисменты оглушительные! «Ну вот, видите, а вы волновались!» — «Это благодаря Мише, спасибо ему!» И это не поза, не ложная скромность, а неуверенность в публичном признании. Вечер в ЦДЛ. Тут вроде бы можно и не волноваться, публика своя, «цеховая». Нет, стоит внизу в вестибюле бедный, в испарине: «Пожелайте ни пуха ни пера, а я пошлю вас к черту...» Читает стихи на «бис», не отпускают долго, из зала просят прочитать старые стихи. Сидящая рядом с нами пожилая женщина просит: «Портного из Львова!» После вечера поздравляют, обнимают, а он: «Боже, я же пропустил целую строфу!»

Толя положил стихи на музыку и получил прекрасный романс «Вечерний, сизокрылый, благословенный свет...» Романс понравился и Арсению, и Тане. Как-то Арсюша читал нам Заболоцкого, любимого им очень. Прочитав «Можжевельный куст», сказал: «Вот тебе стихи для романса». Так и вышло, что два этих романса пелись всегда подряд, не перебиваясь другими песнями Аграновского.

У Арсения Александровича Тарковского была **безукоризненная репутация**. (Сейчас на все лады ведутся дискуссии на тему, что есть интеллигентность. Диковатая тема для дискуссий, на мой взгляд. Впрочем, время диктует темы для таких споров.) Приведу здесь забавный эпизод. Арсений, огорченный и сконфуженный, рассказывает: «Боже, что я наделал, я опозорился в глазах порядочных людей навсегда! Вчера, в гостях у Н., к слову, я сказал, что Махно — бандит. Хозяйка дома спросила: «Арсений Александрович, вы были знакомы с Нестором Ивановичем?» — «Слава богу, нет!» — «Как же Вы можете дурно говорить о человеке, с которым не были знакомы?!» — «Вот уж не повод для расстройств, — легкомысленно сказала я, утешая Арсения, — ведь Махно действительно был

Звездочет

Галина
АГРАНОВСКАЯ

— ТАРКОВСКИЕ приехали! — эту новость сообщил за завтраком Михаил Аркадьевич Светлов. Общее радостное оживление, вопросы: как они? Поездом? Самолетом? Как чувствует себя Арсений?.. Еще не увидев Тарковских, увидела я симпатию и доброе расположение к ним. Это 1950 год, август месяц, курортное местечко Мардакяны под Баку. Здесь поселили московских писателей, принимавших участие в подготовке Азербайджанской декады в Москве.

Стихи Тарковского я слышала, их часто читали Павел Шубин, Межиров, Коваленков. Знала, что он потерял на фронте ногу, ходит на костылях. Знала, что печатается мало, зарабатывает переводами («Ах, восточные переводы, как болит от вас голова...»), жена — переводчица с английского, очень красивая. (Много лет спустя наш друг Олег Писаржевский сказал о Татьяне Алексеевне: «Красота женская — понятие относительное, а вот порода — это бесспорно. В Тане порода чувствуется и на расстоянии, и при близком знакомстве».)

К обеду пришли Тарковские, сели близко от нас, за соседний стол. Первое впечатление, оно же и последнее, вернее, последующее на многие годы вперед: эффектная, элегантная Татьяна Алексеевна, манеры «дамы из общества». Арсений Александрович: очень красив, смуглый, голубоватые белки узких глаз, высокий лоб, темные волосы, брови «вразлет» с изломом, скорбный рот. Двигается, несмотря на костыли, легко и быстро. Летучая походка. Пристроил костыли за своим сту-

лом неловко, они упали к моим ногам. Легко вскочил, поднял с извинениями: «Прошу прощенья!» Через неделю Тарковские уехали в горы на дачу к азербайджанскому поэту, которого переводил Арсений.

Подружились и сошлись близко через три года. Мой муж Анатолий Аграновский зимой работал в Голицыне, в Доме творчества, Тарковские почти постоянно на даче. Дача — сильно сказано: полдома с крохотными комнатками и крохотным участком. Тарковские столовались в Доме творчества, вернее, только обедали. Вечера мы проводили у них. Это был удивительный открытый дом, где собирались удивительные люди: разговоры открытые обо всем, чем болела душа. А зима была 1953 года, до марта месяца, смерти хозяина страны, оставалось время на страх за неосторожное слово. А вот в доме Тарковских никто не боялся, такое было доверие к хозяевам, гостям. Теплым делами дом еще и дети: Марина и Андрей — дети Арсения, Алеша — сын Тани. Я некоторое время не знала, что дети не общие, все они казались мне похожими и на Арсюшу, и на Таню. Все трое были влюблены в Арсения (Андрей: удивительно, что ни одна женщина не утопилась от неразделенной любви к отцу), чему способствовала Таня. Арсений был центр, бог дома, Таня теневой и в то же время главной хранительницей очага.

Лето 1956 года мы проводим с Тарковскими в Голицыне не разлучаясь. В мае родился у нас второй сын, и накануне нашего переезда позвонил Арсюша, спросил, когда мы прибудем, и, смеясь, сообщил, что хозяйка снятого нами дома, узнав, что я родила сына, сказала: «И у нас королева отелилась, тоже бычка принесла...»

То погожее лето было чудесным во

Десять лет назад умер Арсений Тарковский

тогда он только подбирался к этой теме. Разговаривая об этом с Тарковским, он нашел по его подсказке первого героя для очерка. Приведу его начало:

«Это было прошлым летом. Поэт Арсений Тарковский пригласил меня к себе в Голицыно смотреть звезды. Он давно уже увлеклся астрономией и чуть ли не все свои заработки тратил на покупку телескопов. Мы выгнали во двор одну из его таинственных труб, и он принялся шарить по темному небу. Потом и я был допущен к окуляру. Зрелище было сказочным. Владелец трубы показывал мне планеты и звезды с таким видом, будто он и сам причастен к их созданию. У него с ними были какие-то сложные отношения. Некоторые звезды он очень любил, другие, мне кажется, недолюбливал. Он чутко играл со звездами, и было в этом увлечении зрелого человека что-то милое, мальчишеское.

Я спросил поэта, есть ли какая-нибудь польза от наблюдений любителя. Для науки, не для поэзии. (...) Кажется, он обиделся. Начал рыться в каких-то пухлых справочниках, нашел то, что искал:

— Вот, читайте.

И я в «Реферативном журнале» Института информации Академии Наук СССР (№ 10, 1956 год) прочитал: «Комета Черепашука. Сообщается, что Черепашук открыл комету в следующем положении: 1956, марта 30, ОТ, О всемирн. времени...»

бандит!» — «Откуда вы знаете, Галинька?» — «Из книг, и все это знают...» Арсений только покачал головой. Тогда мы посмеялись над этой историей, теперь, когда столько нового и неожиданного узнали мы о тех временах, она не кажется мне такой уж забавной...

И еще эпизод: заболел тяжелым гриппом Арсений. В квартире у них ремонт. Наталья Алексеевна, сестра Тани, предложила переселиться на время в особняк Алексея Толстого, где жила она в качестве секретаря вдовы писателя, помогая разбирать архивы. Категорическое «Нет!» «Почему? Там комфортабельно, удобно. Целый этаж будет в вашем распоряжении...» — «И не комфортабельно и не удобно болеть в доме, где бывал он». — «Кто?» — «Сталин».

Все это было давно, а как будто вчера... Далеко еще до того, когда не станет Андрея, не станет Алеша. До звонка Тани: «Галинька, Арсюша больше нет...» В час, когда в больнице уходил из жизни Арсений, на другом конце Москвы наш младший сын Антон взял гитару и, по его словам, неожиданно для себя, спел никогда не петый им раньше: «Вечерний, сизокрылый, благословенный свет, я словно из могилы смотрю тебе вслед...» — «Скажи об этом тете Тане, если сочтешь удобным...» Я сказала. Она нисколько не удивилась: «Это он отпел Арсюшу...»